

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2025/2026 учебного года
Муниципальный этап
9 класс**

Аналитическое задание (50 баллов)

Вариант 1 (по выбору)

Выполните целостный анализ стихотворения **Арсения Тарковского** «**Я учился траве, раскрывая тетрадь...**». Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала, как флейта, звучать.
Я ловил соответствие звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зелёных ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка — слеза.
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге яркострекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.

Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скреплённых их собственным светом, загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума,
В слове правда мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив, как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.

И ещё я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизив ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав.

1956

***Арсений Александрович Тарковский** (1907-1989) — русский советский поэт и переводчик.

Вариант 2 (по выбору)

Выполните целостный анализ произведения **Нины Дашевской «Весенняя соната»**. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Переезжать не хотелось. Просто не укладывалось в голове, что они вот так возьмут и уедут. И никогда сюда не вернуться...

Лишь когда грузчики вынесли на ремнях пианино и за ним обнаружился квадрат тёмных обоев – только тогда Лёлька поняла: да, на самом деле уезжают. Насовсем. Переезжают к дяде Лёне – и у мамы с ним теперь начнётся совсем другая, новая жизнь. Но почему для этого нужно было разваливать её собственную жизнь, Лёлькину?! Её даже и не спросил никто...

Новый дом, новая школа – ничего здесь ей не нравилось. Даже своя комната – впервые по-настоящему своя! – казалась чужой. С видом на гаражи... И каштаны здесь не растут.

Лёльке плохо. Плохо! И она купила в переходе чёрную куртку с черепом во всю спину. Оказалось – очень удобно. На любую погоду. Лёлька назвала её «моя черепуха» и носила не снимая. Джинсы – подарок дяди Лёни – изрезала в клочья и выкинула. Ещё постриглась – совсем. То есть абсолютно, под «ноль». Мама всё молчала; только когда увидела лысую Лёлькину голову, кажется, заплакала. Ну и пусть. У неё теперь своя жизнь, а у Лёльки – своя.

В новом классе с ней пытался познакомиться некто Серый – долговязый нескладный парень, тоже весь в черепах. Лёлька так его отшила, что сама испугалась. Пыталась начать курить, но не понравилось. К тому же курили все – оказалось даже как-то оригинальней не курить. Серый всё не отвязывался – пытался найти с Лёлькой общий язык. Спрашивал, например, какую Лёлька музыку любит.

– Бетховена, – отрезала Лёлька.

– Это чего – группа такая? – завертел Серый ушастью головой.

– Нет, это такой композитор! Людвиг ван. Малоизвестный, в общем...

А потом появился Джон. Странное дело: Лёлька терпеть не могла вывернутые по-иностранному имена, всяких там Алексов и Дэнов, а тут – Джон... Наверное, по паспорту – просто Иван, но «Ваня» ему не подходило. Старше лет на пять. Все вечера напролёт гонял по улицам на скейте.

Лёлька и выскочила из подъезда – прямо ему под колёса. Другой обязательно наехал бы, но Джон виртуозно увернулся – лишь задел Лёльку рукавом:

– Извините, мадемуазель!

И посмотрел рассеянно, чуть насмешливо. Не потому, что лысая Лёлька в её «черепухе» была так себе «мадемуазель», а просто он всегда и на всех смотрел так. Потом не глядя стукнул ногой по скейту – и тот послушно прыгнул ему в руки, как собачонка.

Вот и всё, больше они и не разговаривали. По отдельности Лёльке не нравилось в нём ничего: ни длинные волосы, ни серьга в ухе, ни заклёпистая куртка, ни жёлтые кеды (старшеклассницы без конца обсуждали, что «такую» куртку с «такими» кедами «не носят»). В такт Лёлькиным шагам – Джон, Джон, Джоннн...

...Новая классная вдруг попросила Лёльку поговорить после уроков – удивилась, как это новенькая, совсем не похожая на отличницу, написала лучшее в классе сочинение. И по содержанию, и по всем запятым... Не случилось ли у неглупого человека Лёльки чего в жизни – может, ей помощь нужна?

Хотелось ответить – отстаньте. Но Лёлька сдержалась и отвесила вежливым голосом вот что:

– Я очень ценю ваше участие, Вера Сергеевна, но у меня всё в порядке. Абсолютно.

Так-то! Совершенно не хотелось, чтобы кто-то лез в её жизнь. Вернее, в главную часть её жизни, настоящую. Это был её секрет. Вот удивилась бы Вера Сергеевна, если бы узнала, куда Лёлька ездит каждую неделю!

Куда-куда, домой, конечно. На старое место. Не прямым путём: автобус – метро с пересадкой – автобус, а хитрым: на электричке. Есть такие электрички, которые въезжают в Москву с одного края и, обогнув центр, выезжают с другой стороны. Станция – прямо возле нового дома. Лёлька прыгала в полупустую электричку, и тут начинались превращения.

«Черепуха» снималась, под ней обнаруживался приличный полосатый свитер; на лысую голову – тубетейка, Антошкин подарок. Из электрички выходила совсем другая Лёлька и шла не в свой старый дом – там давно чужие люди – и даже не во двор. Шла она в старинное здание из красного кирпича, прямо за железной дорогой. Серый бы дар речи потерял, если бы узнал. Сумасшедшая Лёлька шла в музыкальную школу.

Школу она окончила в прошлом году, но Анна Самойловна говорила: приходи! В любой день найдём время, позанимаемся.

Она и приходила – не то чтобы заниматься, а просто – поиграть музыку. А потом – это главное! – приходил сын Анны Самойловны, Антон.

Антон – скрипач. Они полжизни просидели за одним столом в школьном коридоре, за уроками. Лёлька, тогда ещё первоклассница, ждала свою маму, а он, второклассник, – свою. Анна Самойловна занималась тут же, за дверью. Если у неё не было урока, то она пускала ребят в класс – Лёлька учила там математику, Антон занимался на скрипке.

За первые четыре года они обменялись едва ли десятком слов. Пока Антошка вдруг не предложил:

– Может, подыграешь мне? Тут аккомпанемент вроде несложный...

Лёлька, смущаясь, села за рояль – и перепутала с испугу больше половины нот. Но Антошку это не смутило: давай заново! И опять заново! А давай посмотрим – что тут ещё есть интересного?

Так началась их «читка с листа». Читать с листа – значит играть незнакомую музыку в первый раз. Как бы на черновик. Потом – второй раз, третий – и всё, хватит, дальше неинтересно. Следующая страница!

Антошкина учительница скрипки ругала его за «читку»: что это за игра, тят-ляп – и готово! Лучше бы гаммы играл, следил за руками! А вот Анна Самойловна как будто и не замечала, что они «читают с листа». Зато в классном шкафу откуда-то появлялись всё новые ноты...

Они переиграли весь учебный репертуар, потом взялись за Гайдна, Моцарта...

Больше всего Лёлька любила сонаты – такую музыку, где пианист не просто аккомпаниатор, но – на равных со скрипачом. Для них ничего не было «слишком сложно» или «ещё рано» – играли Шуберта, Грига, Рахманинова...

Только однажды Тошка смутился – когда на полке появился толстый том сонат Бетховена:

– Это, наверное, нам не по зубам пока. – И поставил Бетховена на место.

Лёлька окончила музыкальную школу с четвёркой по специальности, но Анна Самойловна сказала:

– Четвёрка – это ерунда. Техника, конечно, тебя подводит. Но ты, Лёлька, музыкант – настоящий. Ты приходи ко мне ещё и, главное, играй. Скучно тебе, плохо или, наоборот, радость – играй! Знаешь... Люди, они всякие бывают. И в жизни бывает всякое. А твой инструмент не предаст никогда.

И они играли. Антошка уже учился в музыкальном училище, но всё равно забегал в школу. И в этом году они начали-таки Бетховена. Тошка относился к нему с благоговением, Лёлька не могла понять – что он там такого нашёл? Гайдн – чистый, как вода из горной речки. Бах – сложный, умный; кажется, что старую-старую тяжёлую книгу читаешь и вдруг понимаешь, что там... Моцарт – что тут скажешь, это сама музыка... Летит, не касаясь земли. Это, конечно, Антошкины слова, но и Лёлька с ним полностью согласна. Только что он нашёл в этом Бетховене?

Играли, конечно, кое-как – такое Лёльке сразу не осилить. Добрались с грехом пополам до пятой сонаты, Весенней...

И вдруг сразу, с первых нот, – Лёлька даже и не думала, что может быть так, в один миг, – как с Джоном! – с первых же нот показалось: не может быть, чтобы вообще была такая музыка. И чтобы так просто, у Антошки под пальцами, – и ответ пианино, и теперь – она, Лёлька, и опять Антон, и они вместе, и дальше, дальше... Вот так Бетховен – глухой, сумасшедший, как он сумел – такое?! А Лёлька-то всегда думала, что Бетховен – революционер: Пятая симфония, та-да-да-да-а-ам! Та-та-та-да-а-амммм! Судьба стучится в дверь! Прячьтесь все!.. А тут – Весенняя соната. Такая нежность. Да, это правильное слово, хоть и странно произносить – нежный Бетховен...

Страшно было, что Тошка найдёт себе пианистку в училище – настоящую пианистку, не такую, как Лёлька. Но пока обходилось.

– Представляешь, там никто не хочет «читать» – все только своей специальностью заняты! Правда, я одну такую Дашку как будто отловил – так она поиграла пять минут и сразу: пойдём в кино! Представляешь?!

Ещё бы! Лёлька смеялась:

– Эта Дашка, она хорошенькая хотя бы?

– Да так, – пожимал плечами Антон, – не очень, примерно как ты...

Лёлька не обижалась – они хохотали вместе. Ему можно так шутить и обзывать стриженую Лёльку «Котовским». Они друзья. Конечно, просто друзья – особенно это стало понятно сейчас, когда появился Джон. Пожалуй, Антон единственный, кому было бы можно рассказать про Джона. Но Лёлька не стала.

«Джон!» – первая нота Весенней сонаты...

Начался ноябрь, загнал Лёльку наконец домой, в новую комнату. А комната оказалась с сюрпризом, да ещё с каким!

За стенкой жила скрипка. Как это она раньше её не слышала?! Настоящая скрипка, взрослая – уж Лёлька-то в этом понимает. Скрипка играла разную музыку – со временем Лёлька выучила её наизусть. Это, кажется, Бах, а это, похоже, Чайковский... Одну пьесу Лёлька знала точно: «Кампанелла» Паганини. Антон говорил, это дико сложно – он пока ещё так не научился. Уж если Тошка не научился...

Стенка – общая, а подъезды разные. Так что Лёлька никак не могла вычислить скрипача. Целыми вечерами просиживала она возле этого подъезда, но со скрипкой никого так и не увидела. А потом всё-таки догадалась кто. Там жила одна такая девушка, очень красивая – не так, как в модных журналах, а как во французских фильмах. У неё были каштановые волосы, клетчатое пальто и длинный шарф. Лёлька, когда вырастет, хотела бы стать именно такой! Правда, Лёлька никогда не видела её со скрипкой, зато слышала из её машины музыку – не Моцарта или Вивальди, а что-то сложное – может быть, Прокофьева... Конечно, Клетчатое Пальто – музыкант! Она так смотрит на небо, как будто у неё внутри – музыка...

Всю зиму Лёлька слушала скрипку за стенкой и ездила к Антону в музыкальную школу. К марту волосы у неё отросли – и уже совсем не хотелось стричь их! К тому же облачко коротеньких волос ужасно шло ей. Это даже Серый заметил. Оказалось, он не такой уж и Серый – стихи пишет... И хорошие, представьте, стихи! Всё-таки нельзя человеку считать себя несчастным, если ему пишут стихи, да к тому же у него есть скрипка за стенкой, Тошка с Бетховеном и где-то там ещё – Джон...

С Джоном они встретились первого марта на автобусной остановке. То есть не то чтобы встретились – Джон стоял сам по себе и смотрел на небо, а Лёлька смотрела в стекло припаркованного джипа. Потому что в стекле отражался он, Джон, и смотреть на него можно было сколько хочешь... На нём был старый – как будто из прошлого века – синий пиджак, зашитый красными (специально!) нитками. Он курил трубку, как Гэндальф. А на рукаве у него был очень старый полустёртый значок – очки, как у Поттера,

но лицо другое. Лёлька подошла ближе, будто бы случайно, и – разглядела: Джон Леннон. Ну конечно же, Джон!

Может быть, это значок его родителей? И его настоящее имя на самом деле тоже – Джон?

Подошёл Лёлькин автобус. Джон сел в него, а Лёлька осталась на улице. Ехать с ним вместе – это было для неё слишком много. Она и так смотрела на него целых десять минут... Захотелось снять капюшон – и Лёлька стояла с растрёпанной головой, впервые в этом году, впервые на этой улице.

А вечером случилось чудо. Дядя Лёня, смущаясь, стал говорить что-то невнятное о том, что надо бережнее к маме относиться... Лёлька долго не могла ничего понять и по привычке надулась. А потом дошло – у неё будет брат! Надо же, настоящий брат!

Лёльке никогда раньше не хотелось, чтобы у неё был брат или сестрёнка. А тут... Брат. Лёлька вспомнила мелкого стриженного первоклассника из школы – вот, будет такой же... И она будет говорить ему: давай скорее, долго ты будешь?! Я из-за тебя опаздываю... В университет или куда там.

– Можете на меня рассчитывать. Ну, гулять или что ещё нужно, – пробурчала Лёлька и, зачем-то хлопнув дверью, сбежала в свою комнату. Дядя Лёня, конечно, решил – она переживает. А Лёльке хотелось побыть одной. Брат будет! Уже в этом году, осенью. Листья будут, и Лёлька будет его в коляске возить, наушники в уши, и ходить-ходить бесконечно по улицам с коляской этой... Клетчатую бы купить.

И тут за стенкой заиграла скрипка. Лёлька замерла – этого просто не могло быть! Скрипка играла Весеннюю сонату Бетховена.

Скрипку, видно, тоже накрыло весеннее настроение – ведь март же, первое число! И там, где мелодию подхватывает пианино, Лёлька открыла крышку пианино и вступила. Играла и прислушивалась – здесь ли скрипка? Здесь, здесь!

...Всё-таки они сбились, и скрипка стала играть зачем-то одну ноту. А, ну конечно – просит ля! Пианино у Лёльки расстроенное, на полтона ниже... Подстроились, и снова – Весенняя соната! На этот раз – от начала до конца первой части. Надо же, Лёлька помнит всё наизусть!

Какая же это музыка – волшебная, нежная, тонкая, весенняя!!!

Вечером ждала – может, заглянет кто? Ведь ей же интересно должно быть, с кем она играет! А тут – она, Лёлька... Вот удивится!

Но – не зашла. Наверное, ей тоже нравилось так – играть с невидимкой.

А потом у Антошки был концерт в училище. Какой-то очень важный – играют только лучшие! И среди них – Антон. Лёлька приехала в училище пораньше, стояла в фойе и рассматривала старые фотографии.

И тут она увидела их вдвоём.

Клетчатое Пальто с Джоном стояли вместе. Не просто стояли – они были вместе, это сразу видно. У Джона была её скрипка – вот она, наконец-то Лёлька её увидела.

Лёлька даже не расстроилась. Конечно, девушка намного старше его, но она ведь необыкновенная! Странная, конечно, пара – скейт и французская машина... Эх, Джон, Джон! Они очень разные и вместе с тем как будто в чём-то совсем одинаковые. Оба как будто с другой планеты, и оба такие красивые...

– Ну, не переживай, – сказал ей Джон. – Надо ехать – значит, надо...

А она сказала:

– Удачи, Джон! – и пошла к выходу.

И вдруг он догнал её:

– Мама, стой! Ключи забыла...

Мама?! Вот этого точно не может быть. Она же совсем не взрослая как будто...

Выходит, он тоже живёт у Лёльки за стенкой?! И слышал их Весеннюю сонату? А кто теперь объяснит, почему скрипка осталась у Джона?!

Откуда ни возьмись – Антошка:

– Лёлища, ты уже здесь! – и Джону: – Привет, Джон, играешь сегодня? – Тот кивнул. – «Кампанеллу», да?

– Опять «Кампанеллу», – развёл руками Джон.

Джон! Играет сегодня!

– Лёлька, а там пустой класс есть – пойдём поиграем! – обернулся Тошка к опешившей Лёльке.

– У тебя же концерт вроде бы...

– Да что концерт – через час ещё! Что же мне, целый час сидеть и дрожать? Пойдём, правда, поиграем – зря, что ли, я притащил Бетховена?! Давай, я мигом – только ключ от класса возьму!

Он умчался, а Лёлька смотрела на Джона и не могла поверить. Она даже сейчас не могла представить его со скрипкой (хотя потом, на концерте, оказалось – ему так же ловко со скрипкой, как и со скейтом). А он смотрел на неё – и тоже не мог поверить: Лёлька и Бетховен! Тоже было не так-то просто представить её за роялем.

«Неужели – ты?» – спросил он одними глазами. «Ага, я», – ответила Лёлька, тоже глазами.

А может, никакого такого разговора и не было, а Лёлька всё придумала.

Тогда Джон спросил по-другому, не глазами. Но и не словами. Он улыбнулся и засвистел Весеннюю сонату.

И в первый раз увидел, как Лёлька широко улыбается ему в ответ.

2014

Нина Сергеевна Дашевская (род. в 1979 г.) — российская писательница, автор книг для детей и подростков, музыкант.

Творческое задание (20 баллов)

11 сентября 2021 года в Самаре на пересечении улиц Фрунзе и Красноармейской в сквере Аксаковых была открыта скульптурная композиция «Аленький цветочек». Бронзовая модель памятника создана к 150-летию памяти Сергея Тимофеевича Аксакова, русского писателя и общественного деятеля. Рассмотрите фотографию.

Представьте, что Вы – очевидец этого события и Вам предстоит написать о нём пост. Постройте свой текст на описании памятника (не менее 2-х деталей/объектов), укажите связь писателя с Самарской областью, перечислите значимые произведения автора (не менее 2-х). Продумайте композицию, дайте название, напишите текст. Примерный объём – не менее 150 слов.

